

Рустам Азизи: «Попытки импликации ислама в Таджикистане столкнулись с непониманием и трудностями»

На сайте НИАТ «Ховар» была опубликована статья первого заместителя председателя Народно-демократической партии Таджикистана, доктора философских наук Саидмурода Фаттохзода под названием «Путь в тысячу лет от тебя до мусульманства». О проблемах, затронутых в этой статье, поделился своими размышлениями и выводами заместитель директора Центра исламоведения при Президенте Республики Таджикистан Рустам Азизи.

— В последнее время на информационном пространстве не только Таджикистана, но и всего мира наблюдаются очень сильные трения между сторонниками различных культурологических концепций и подходов. До недавнего времени как бы основные тенденции задавали в западном мире, предлагали так называемый мультикультурологический подход, то есть они были сторонниками того, чтобы представители различных цивилизаций и культур могли гармонично ужиться в рамках гражданского общества, где сильно ограничивалось вмешательство государства, каких-либо официальных институтов в такие культурологические, культурные и социологические аспекты жизни общества. Конечно, подобная постановка вопроса для многих стран постсоветского региона сравнительно новая, потому что после распада Советского Союза, когда сменилась единая идеология, всплыли различные варианты, различные культурные, политические, социальные парадигмы, каждая из которых начала претендовать на какую-то всеобъемлемость, на особую связь с местными культурами.

Если наблюдать на примере Таджикистана, то в информационном и культурном пространстве можно заметить исламистские тренды, сторонников светской государственной политики, есть ещё одна малая прослойка сторонников западной либеральной культуры, но их так мало, что они не являются значимым определяющим фактором.

Основные два течения, которые можно выделить, — это всё-таки сторонники традиционных исламских ценностей и их интеграции на государственном уровне в политических социальных диспутах. Но проблема в том, что уже в начале 90-х годов, к сожалению, мы заметили некоторые перегибы. Потому что образовавшийся за много лет вакуум мы попытались заполнить не какими-то культурными посылами или работой просвещения, либо поднятием уровня религиозной грамотности, а другими аспектами. Только с обретением независимости возникла версия пассионарного бескомпромиссного политического ислама, который стал требовать перевода некоторых учений или положений исламской религии именно в социально-политическом институте, и даже были попытки объявления Таджикистана исламским государством.

Есть ещё одна проблема, которая наблюдается среди так называемых экспертов, самого населения и общества в целом, они проводят грани между такими аспектами, как ислам и мусульмане, исламизм и исламисты. В глобальном мире эта грань не просматривается, и исламизм часто смешивают с исламом. Хотя исламизм — это политическое явление, это некий политический дискурс, который возник в конце 19 века в результате именно влияния так называемых западных политических институтов, которые просто облачились в некую форму исламистской идеологии, где ислам стал как бы основным лейтмотивом их политических целей. Но чем это чревато для нашего молодого государства? Если мы наблюдаем даже в регионе Среднего и Ближнего Востока там, где ислам, как религия переходит из некой общественной и культурной формы на стадию именно политической, начинается манипулирование некими идеями, некими ценностями ислама для достижения политических целей.

Допустим печально известный нам опыт арабского Востока, в том же Ираке, Сирии, странах Северной Африки, где исламисты укрепили свои позиции, и провалился проект арабского национализма. То есть, национальная идея не смогла стать достойной конкуренцией, достойной силой, не смогла выступить в роли консолидирующего фактора.

Сегодня очень часто можно наблюдать в нашем информационном пространстве, когда религиозный аспект очень часто используется различными политическими игроками и не только исламистского характера, иногда даже сторонниками тех, кто провозглашает себя сторонником либеральных ценностей, как инструмент политической борьбы, некой дискуссии.

Примерно с 2000-х годов, когда первые группы таджикских студентов, которые получили образование не только в исламских, но и западных образовательных учреждениях, вернулись с различными проектами, интерпретацией ислама в тех обществах, и начались попытки импликации или попытки применения опыта ислама в других странах, как в Иране, Пакистане на нашу таджикскую почву, это столкнулось с некими непониманием и сложностями. Почему? Потому что, кроме богословской составляющей, у любой религии есть некая культурная составляющая. То есть, в её контексте та или иная религия, то или иное течение укореняется в жизни общества. Вот именно попытки раскатать лодку привели к тому, что государство не могло остаться в этом вопросе беспристрастным. Оно было вынуждено как на законодательном, так и на уровне организационных мероприятий жёстко высказать свою позицию регулирования религиозной жизни общества и в пользу поддержки некоего традиционного восприятия религии, которая на протяжении веков формировалась у нас в Таджикистане.

Даже то традиционное течение, которое присутствует в Таджикистане, как Ханафитский мазхаб и исмаилизм в определённой части Бадахшана, даже они пропитались нашим историческим культурным опытом. Потому что, допустим, в той же Индии или Турции живут представители того же ханафитского мазхаба, однако мы не можем сказать, что их некоторые ритуалы, которые имеют религиозную трактовку, могут быть восприняты в таджикском обществе. Также и наоборот. Отсюда и началась проблема того, что многие молодые ребята, может быть, из благих намерений пытались внедрить в наше общество именно тот дискурс, тот стиль одежды или выполнение некоторых религиозных ритуалов, которые наше общество автоматически отторгло.

Государственная политика не является догмой, она реагирует на вызовы и опасности, которые приходят извне, она корректируется постоянно в соответствии с требованиями времени. В Таджикистане был принят закон о свободе вероисповедания и религиозных организаций, позже был дополнен, и даже сейчас он находится в процессе дополнения и совершенствования. Сейчас готовится к принятию и будет обсуждаться на общественном совете Концепция государственной политики Республики Таджикистан в области религии, то есть последние 10 лет государство и государственные институты играют роль значимого игрока в регулировании религиозной жизни. И это действительно дало свои объективные результаты, которые можно подтвердить социологическими исследованиями и общими наблюдениями, что влияние ислама сокращается, тогда как наблюдается систематизация и регулирование данных вопросов. Многие вопросы в этой сфере ещё остаются открытыми.

Говоря о чуждой культуре и, одежде и других проявлениях ислама, Рустам Азизи подчеркнул, что есть некоторые положения в любой религии, которые относятся к богословской сакральной части. Но есть вещи, которые мы называем трендами моды. Так и в вопросе ношения правильной одежды. Определённый дресс-код существует в любом обществе, любой религии, в том числе и в исламе. Например, само понятие сатр или хиджаб, с точки зрения мусульманского права, предполагает ту форму одежды, которая покрывала бы те части тела, как мужчин и женщин, которые должны быть закрыты при молитве или закрыты вообще, это такая регламентация. Здесь нет ни форм, ни цвета, ни какого-либо дизайна. Сейчас, особенно среди молодёжи идёт чистое копирование некоего стиля, не имеющего никакого отношения к религии. Начались трения между различными «брендами ислама». Турецкие, арабские, индийские, пакистанские, иранские модели стали входить в обиход молодых людей и, в частности, девушек в Таджикистане. Это не только не приветствуется в республике, но и отторгается. Нельзя сказать, хорошо это или плохо, просто это не соответствует таджикской культуре. Некоторые люди у нас предпочитают такой стиль одежды, который свойственен отдельным регионам. Но для того, чтобы быть мусульманином, не обязательно копировать некий стиль одежды или поведения. К сожалению, для некоторых представителей таджикского общества свойственна имитация. Даже на встрече с иранскими или персидскими представителями из уважения к ним мы начинаем очень неумело копировать их акцент. Хотя различные акценты присущи любой нации, любому языку. Например, взять английский язык, он бывает британский английский, американский английский и австралийский английский. И никто из них не мучается по поводу того, чтобы подражать другому. А вот у нас, если даже оставить религиозную часть, просто в вопросе языка идёт чистое копирование стандартов. То есть, тот стандарт правильный, а тот нет. Всё это можно характеризовать кратко так: у нас сейчас идёт процесс формирования новой идентичности. И все вот эти перегибы в разные стороны — это результат именно того поиска формирования новой идентичности, которая пока не сформировалась, такие тренды будут всегда присутствовать. Хотя сейчас уже идёт заметный спад. Потому что некоторые национальные элементы идентичности уже определены и укореняются, и в то же время и религиозная составляющая. И уже в среднесрочной перспективе данные тенденции пойдут на спад, а именно тогда, когда на смену придут официально поддерживаемые национальные, основанные на каких-то традиционно родных нам формах и элементах нашей идентичности, тенденции, в том числе и их религиозной составляющей.

«С. Фатохзода выбрал в качестве названия своей статьи известные строки Джалолиддина Руми. «Это некая такая культурологическая концепция, которая делает аспект больше на так называемые этические составляющие веры, религии, нежели некой реальной практики, говорит Р. Азизи. — Это подход, который очень долгое время культивировался в нашей среде, он нам не чужд, он очень глубоко укоренён именно нашей литературой. И подобный подход благодаря своей гибкости, который излагал Мавлоно, его идеи в современном мире восприимчивы не только среди представителей мусульманского цивилизационного очага, но и даже среди других культур. Потому что сейчас мы находимся в таком состоянии, когда необходимо объединять, а не разъединять.

Чем больше мы будем обращать внимание на некую внешнюю ритуальную часть той или иной религии, культуры и идеологии, тем больше мы будем разделяться. Потому что внешнее проявление — оно всегда более точное, более определённое, более конкретизированное и различий у нас будет больше. Но чем больше мы будем обращать внимание на этические, моральные, внутренние компоненты любого учения, тем больше мы будем находить какие-то общие положения.

Самое основное послание статьи Фатохзода очень позитивное, оно созидательное и конструктивное. А спорить по определённым неким моментам можно бесконечно. И если цитировать самого Руми, то можно привести его притчу, когда турок, араб, грек и перс спорили о том, как назвать виноград. Но самой сути, что это виноград, никто не отменяет. Поэтому сам посыл статьи заключается в том, что если больше обращать внимания именно на некие морально-этические аспекты любого учения, религии, чем на некие внешние проявления, то это будет более созидательным для нас и более желательным для таджикстанского общества», — сказал Рустам Азизи.

Источник: [НИАТ "Ховар"](#)